

Неизвестный Лакатос¹

Опубликовано в журнале:

// Эпистемология и философия науки, 2009, №2. С.204 - 209.

В.А. Бажанов

Казалось бы концепция Имре Лакатоса (1922 – 1974) известна отечественному читателю давно и едва ли не досконально. Его книга "Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы" была издана в СССР в русском переводе вскоре (в 1967 году) после публикации текста в Великобритании в 1963-1964 годах², причем издана громадным тиражом в 70 000 экземпляров. Перевод осуществил философ профессор И.Н. Веселовский, работавший, как мне стало впоследствии известно (я его встречал на конференциях в Обнинске где-то в начале 1980-х годов) в Арзамасе-16. Редактировал книгу известный математик и историк науки И.Б. Погребыский, работавший в то время в Институте истории естествознания и техники.

В СССР эта книга была издана совсем не в качестве философского труда, а как популярная работа по математике. И. Лакатос представлялся в ней как специалист по математической логике. В предисловии указывалось, что автор трудится в "Лондонском экономическом училище" и книга посвящена Г. Полю (Д. Пойа в иной транскрипции – В.Б.) и К. Попперу, "видному представителю неопозитивизма", но её замысел обрисован как продолжение идей Г. Поля (Д. Пойа), изложенных в популярных в СССР книгах по математике ("Как решать задачу". М., 1961; "Математика и правдоподобные рассуждения". М., 1957, кстати, с предисловием С.А. Яновской, и др.). В противном случае – в качестве философского издания -- книга вряд ли могла увидеть свет в советский период. Только как математическое издание она имела шанс быть представленной советским читателям и прочитанной ими. Величиной тиража, который был довольно обычным для СССР и тем, что она вышла в издательстве Академии наук СССР, вспоминают его коллеги, И. Лакатос очень гордился³.

И.Б. Погребыский был знаком с С.А. Яновской, лекции которой по математической логике он слушал и к которой И. Лакатос хотел поступить в аспирантуру. Скорее всего именно Яновская проявила инициативу издать книгу Лакатоса и издать её как популярную книгу по математике и попросила И.Б. Погребыского, достаточно далекого по своим интересам от философии, выступить в качестве редактора. Книга Лакатоса, философская по своему замыслу и опубликованная в сугубо философском журнале, не попадавшим в поле зрения математиков в СССР, вряд ли попала бы в его поле зрения, так сказать, самостоятельно. Авторитет и реноме Погребыского как математика и историка науки не оставляли никаких сомнений в том, что эта книга исключительно математическая и историко-математическая (напомню, что там прослеживается эволюция доказательств известной формулы Эйлера, связывающая ребра, вершины и грани многогранников), а вовсе не философский опус.

Математическая по своему содержанию как она представлялась издательством, книга И. Лакатоса "Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы", сразу же была замечена философами, которые были уже достаточно искушены, чтобы отличить чисто математическое издание от философско-методологического по своей сути. Уже в №4 журнала "Вопросы философии" за 1968 год на эту книгу появилась блестящая

¹ Работа поддерживалась грантом РГНФ (№07-03-00054а).

² The British Journal for the Philosophy of Science. Vol. 14, 1963 – 1964.

³ Сообщение А. Беллами (письмо автору от 19 декабря 2006 г.). Обширная переписка Лакатоса свидетельствует, что об этом факте он неоднократно с гордостью упоминал в письмах своим близким друзьям и коллегам, например – М. Вартофскому и В. Юрграу (Lakatos archive at LSE, items 13/966 и 13/1037). Впрочем, поначалу Лакатос был возмущен публикацией без согласования с ним своей книги в СССР, где в тот период не действовало авторское право, но вскоре под влиянием своих друзей (прежде всего, В. Юрграу) резко поменял своё мнение.

рецензия Г.П. Щедровицкого (1929 – 1994), который отмечает не только полезность перевода книги на русский язык, но и те обстоятельства, что "глубина поставленных научных проблем и тонкость их обсуждения (в этой книге – В.Б.) вызывают восхищение; по форме изложения, легкой и остроумной, эта книга – подлинное произведение искусства"⁴. В рецензии отмечается, что Лакатос идет принципиально новым путем в анализе развития и структуры науки, ставит новые проблемы, предлагая своего рода "ситуационную логику", которая призвана обеспечить осмысление исторической эволюции научных теорий. Здесь он осуществляет настоящий прорыв по сравнению с той традицией, которая отрицала исторический подход и по существу провозглашала нищету историцизма (имеются в виду, прежде всего, логический позитивизм и К. Поппер).

Уже в 1990-е годы были переведены и другие известные философско-методологические труды И. Лакатоса, которые раскрывали сущность его концепции научно-исследовательских программ.

Между тем советский читатель смог познакомиться фактически только с первой (из пяти!) глав докторской диссертации И. Лакатоса, защищенной им в 1961 году. Она и явилась содержанием книги "Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы". Авторская концепция постоянно развивалась, пересматривалась, уточнялась и совершенствовалась. Так, И. Лакатосу иногда предъявлялось обвинение, что его концепция работает лишь в случае анализа доказательства формулы Эйлера. И. Лакатос стремился показать, что применимость его концепции значительно шире, её можно распространить на всю математику и тем самым получить качественно новую версию философии математики. Кроме того, в нашей литературе нигде не упоминалось, что используя язык одного из своих учителей – К. Поппера, Лакатос не только делает акцент на анти-попперовском содержании своей концепции, но и фактически использует некоторый вариант диалектического метода⁵. Лакатос перед внезапной кончиной в начале февраля 1974 года усиленно работал над изданием расширенного варианта книги "Доказательства и опровержения". Летом 1973 года на конференции в Ювяскуле (Финляндия), на которой присутствовала представительная делегация советских философов⁶ Лакатос докладывал тот вариант своей концепции, который можно считать зрелым (в отличие от начального, "незрелого" варианта, который был опубликован в журнале *The British Journal for the Philosophy of Science*, а затем вышел в виде книги в 1967 году в русском переводе).

Предлагаемый ниже фрагмент из британского издания книги Лакатоса "Доказательства и опровержения. *Логика математического открытия*"⁷ (курсив мой – В.Б.)⁸ 1976 года как раз и выбран для того, чтобы продемонстрировать на оригинальном тексте, который принадлежал перу Лакатоса те особенности его концепции и метода, которые не нашли должного отражения в русскоязычной философской литературе.

Стоит сказать о композиции нового издания "Доказательств и опровержения", работа над которым была окончена учениками И. Лакатоса – Дж. Уорралом и Элие Захаром. С 1976 года тираж этой книги допечатывается едва ли не ежегодно.

Дж. Уоррал и Э. Захар не изменяли содержание оригинального текста Лакатоса, но из достаточно разрозненных фрагментов текста, который автор собирался позже упорядочить и особым образом укомплектовать, Уоррал и Захар предложили свой вариант композиции.

⁴ Щедровицкий Г.П. Модели новых фактов для логики // Вопросы философии, 1968, № 4, с. 154.

⁵ Подробнее см.: Бажанов В.А. Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии, 2008, № 9, с. 147 – 157.

⁶ Подробнее см.: Бажанов В.А. Имре Лакатос и философия науки в СССР // Эпистемология и философия науки, 2009, № 1.

⁷ Lakatos I. Proofs and Refutations. The Logic of Scientific Discovery. Cambridge, N.Y., Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo, 1976 (and further editions).

⁸ Обратите внимание, что речь идет уже не просто о доказательстве теорем, а о некоторой логике математического открытия.

Первая глава издания 1976 года (и последующих, идентичных) почти полностью повторяет журнальную версию текста 1963-1964 годов. Вторая глава и приложения 2 и 3 относятся, соответственно, к главе второй и третьей диссертации Лакатоса. Глава четвертая и пятая посвящена анализу метода анализа и синтеза⁹.

Если попытаться понять замысел, который был стержневым в размышлениях Лакатоса, то можно говорить о том, что он предполагал трехступенчатую реализацию своей программы в хронологическом порядке в отношении развития математической теории: 1) первоначально действие метода "наивных" проб и ошибок до момента, когда будет найдено правдоподобная гипотеза (предположение); 2) вступление в права метода доказательств и опровержений, который заключается в попытках доказать предположение и усовершенствовать, пересмотреть, уточнить путем поиска контрапримеров¹⁰ и анализа ситуации в свете особенностей последних, в конечном счете аксиоматизация теории; и, наконец, 3) применение метода научно-исследовательских программ при котором начальное предположение уже не подлежит сомнению и переоценке, поскольку контрапримеры отныне ищутся по отношению к вспомогательным гипотезам (*ad hoc*): это уже стадия "зрелой" науки, которая как бы охватывает методы первой и второй стадии.

Осмысливая творчество И. Лакатоса надо иметь в виду, что он, как отмечают многие его исследователи, тщательнейшим образом в своих печатных работах скрывал предпосылки и концептуальные источники этого творчества¹¹. Особенно тщательно он старался маскировать истоки и основания той части своего концептуального багажа, привезенного из Венгрии, которая относилась к господствующей в Восточной Европе и СССР идеологии. Тем не менее, как мы видим из приведенного ниже фрагмента, Лакатос не на "публику" вовсе не отказывался от этого концептуального багажа, который он собирался все же задействовать в своей будущей (но не законченной из-за кончины) работе.

По всей видимости, Лакатос никогда не читал непосредственно Гегеля¹², а воспринял диалектические идеи посредством знакомства с трудами Маркса, Ленина и Лукача. Эти идеи составили фундамент творчества его английского периода¹³. Как и полагается, фундамент в возведенном Лакатосом величественном здании методологии научно-исследовательских программ не заметен. Но его существование очевидно. Говорят даже о своеобразном воспроизводстве Лакатосом духа рассуждений Лукача в контексте англо-американской традиции, в которой всегда была довольно скудно представлена тематика, относящаяся к историческим аспектам развития науки¹⁴. Публикуемый фрагмент не оставляет никаких сомнений в существовании этого – диалектического по своей сути -- фундамента.

Нельзя не обратить внимание на то, что изложение Лакатосом сущности процесса отчуждения применительно к математике – это не только реминисценция элемента гегелевского подхода, но и элемент марксистской методологии, которую Лакатос развивает применительно к математике: "Мое понятие о математике как несовершенной персонификации Математики, - пишет он, -- сходно Марксову понятию капиталиста как персонификации Капитала". Здесь можно усмотреть по крайней мере косвенное влияние

⁹ The Method of Analysis – Synthesis // Lakatos I. Mathematics, Science and Epistemology. Vol 2. New York: Cambridge University press, 1978. P. 70 – 106.

¹⁰ В издании 1967 года используется понятие "контрапримера", а не "контрпримера". Поэтому я продолжаю следовать традиции, заложенной И.Н. Веселовским и использовать понятие "контрапримера". Впрочем, именно это понятие чаще принято применять, если речь идет о логической стороне анализа (что собственно и имеет место в работе Лакатоса).

¹¹ Этот факт отмечается, например, в работе: Kutrovatz G. Lakatos's Philosophical Work in Hungary // 13th International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science. Abstracts. Beijing, 2007, p. 334.

¹² Motterlini M. Reconstructing Lakatos. Centre for Philosophy of Natural and Social Science (paper DP 56/01). LSE, 2001. p. 7.

¹³ См.: Бажанов В.А. Диалектические основания....

¹⁴ См.: Kadvaný J. Imre Lakatos and the Guises of Reason.... p. 287.

на Лакатоса идей С.А. Яновской, которая продолжительное время занималась не только философией математики с марксистских позиций, но и, как известно, подготовкой математических рукописей К. Маркса и комментариями к этим рукописям. Можно предположить, что она рассказывала о своей работе на своих лекциях и в частном общении со слушателями, среди которых был и И. Лакатос.

Поскольку развитие математики (и шире – науки) можно адекватно лишь реконструировать, то историоризация методологических категорий влечет за собой недерминистический историзм – именно так можно точнее всего, на мой взгляд, охарактеризовать философско-методологическую концепцию Лакатоса.

Знакомясь с фрагментом текста Лакатоса, надо также учесть, что в нём он радикально отошел от своего обычного стиля, который он использовал при написании первого варианта "Доказательств и опровержений".

У Гегеля и Маркса Лакатос заимствовал не только диалектический метод, но и, так сказать, телеологический аспект и в известной мере манеру изложения. Подобно тому, как Гегель в "Феноменологии духа" предстает как педагогический философ, стремящийся донести до читателя архитектуру и детали своей системы, изложить ее так, чтобы она была понята, так и Лакатос в первом варианте "Доказательств и опровержений" преследует педагогические цели. Речь идет не просто о популярном изложении своих идей – Лакатос здесь вовсе не упрощает содержание своей концепции, что типично для популярного жанра, а старается излагать ее таким образом, чтобы читатель мог следить за ходом нетривиальной мысли, видел её последовательность, смог воссоздать всю картину формирования представлений о предмете анализа (многоугольнике в связи с формулой Эйлера) и был убежден в том, что реконструкция этой картины адекватна реальному историческому процессу. Ввиду именно педагогических соображений Лакатос допускает элементы сознательной фальсификации истории, придавая своей концепции статус прескриптивной по духу.

Гегель в "Феноменологии духа" в какой-то мере следует нарративной манере изложения, впервые предложенной Гёте в "Вильгельме Майстере"¹⁵, отличающей так называемые просветительские романы (*Bildungsroman*). Так и Лакатос в "Доказательствах и опровержениях" придерживается аналогичной нарративной манеры, преследуя аналогичные – образовательно-педагогические – задачи.

У Лакатоса в публикуемом фрагменте – иная задача. Задача состоит в том, чтобы показать *специалисту* – математику, философу (а не "пешеходу"), что ареал действия его, Лакатоса, методологии существенно шире формулы Эйлера, что он фактически совпадает с ареалом всего математического знания. Это необходимый элемент генерализации, обоснования плодотворности собственной идеи. Именно этой задаче были посвящены доселе неизвестные отечественному читателю фрагменты книги "Доказательства и опровержения. Логика математического открытия", увидевшей свет в 1976 году. Один из таких фрагментов публикуется ниже.

Специально следует обратить внимание на то, что Лакатос был очень требователен к *форме* своих публикаций. Он признавал исключительно лишь подстрочные замечания и то, что называется ныне чикагской системой ссылок. Именно эта форма сохранена и нами в настоящей публикации.

Автор вступительной статьи и перевода выражает благодарность А. Беллами и Дж. Уорралу за интерес к русскому изданию трудов И. Лакатоса, а Cambridge University press за безвозмездное предоставление копирайта на данную публикацию.

¹⁵ См.: Kadvaný J. A Mathematical *Bildungsroman* // History and Theory, 1989, vol. 28, p. 26-27.

